Автор: Administrator
20.05.2006 03:21 - Обновлено 20.05.2006 03:47



Повесть-сказка

Глава 1. Тапок невезения.

Слушай...Только смотри, чтобы в книгу не заглянули взрослые и не помешали нам говорить серьезно...В крайнем случае картинки первых страниц можно показать бабушке, когда она принесет молоко с шоколадкой или ореховым печеньем. Хотя бабушки тоже мало понимают - они слишком давно были маленькими, и обычное кажется им НЕОБЫКНОВЕННЫМ. Они даже не очень-то верят в то, что любимые игрушки могут оживать ночью.

А мне, например, знакомая девочка, которая ходит в подготовительную группу детсада, рассказывала, что она сама видела во время тихого часа, как большая кукла, сидящая на шкафу, шевельнула рукой... Уж эта девочка наверняка не врёт! И нянечка знает, что ночью кукла спрыгивает со шкафа и ходит смотреть на хомячков в клетке, но нянечка в этом никогда не признается.

Я же расскажу сейчас о пингвине, гусаре и индейце. Они - любимые игрушки сестренок Оксаны и Гали. Сестры гостили у бабушки и дедушки в маленьком городке. А потом приехала мама, чтобы отвезти их в другой город - домой. Все стали собирать вещи, и Оксана с Галей тоже помогали - положили гусара, пингвина и индейца в коробку из-под обуви, перевязали ленточкой, спрятали в чемодан и решили, что теперь-то игрушки отлично устроены.

Но вышло иначе.

Мама стала перекладывать чемодан, нашла коробку, открыла...однако опишем внешность героев:

Индеец - самый маленький среди друзей. Зато у него самое длинное имя - Йохо Львиное Сердце. Йохо сделан из очень плотной резины, так что согнуть его невозможно. Он отлично плавает в ванне и у него красивый головной убор из разноцветных перьев. Индейца девочкам подарил их двоюродный брат Юрка. Юрка уже большой, он даже ездил на толкинистскую ролевуху и сделал себе деревянный меч. Йохо видел, как Юрка фехтует мечом, и поэтому научился кое-каким приёмам. Однажды Йохо подрался с монстрами-суперменами. Это случилось, когда Галя играла во дворе, и ее стал обижать вредный мальчишка. Монстры вредины вырвали у Йохо топор, и он остался без оружия. Но он все равно очень смелый и воинственный.

Самый высокий и толстый среди друзей - пингвин Антарксик. Сделан он из ваты и кусочков черного и желтого бархата. Антарксик ленив, самолюбив и любит сидеть дома на подушке, но и с ним бывали приключения. Его запускали на воздушном шарике на луну, а он застрял в кроне тополя рядом с домом. Когда же его сняли, оказалось, что у Антарксика оторвался один глаз, и ему пришили новый. Теперь у пингвина глаза разные - один синий, а другой - золотистый, сделанный из пуговицы от Оксаниного платья. А Юрка, когда приходил в гости, решил, что Антарксик плохо видит золотым глазом, и пририсовал ему очки черной авторучкой. Теперь пингвин еще и в очках.

А гусара, сделанного из синей пластмассы, девочки долго звали просто солдатиком, пока Юрка не просветил их, что мундир и высокий кивер у солдатика гусарские. В одной игре гусару придумали имя - Витя, но потом позабыли об этом. Наверно потому, что играли в гусара редко, а просто ставили его на посту возле замка из кубиков или возле домика из диванных подушек. Порой гусаром принимался играть котенок и закатывал игрушку под диван. Тогда Витю долго искали. Мундир у Вити поцарапан 'диким зверем' - ведь котенок для игрушечного солдатика больше, чем динозавр, а Витя ростом всего-то чуть повыше индейца Йохо. Но Витя на котенка не обижался.

...Чем больше играешь, тем быстрее стареет игрушка. Так что маме поцарапанный гусар, индеец без топорика и пингвин в нарисованных очках показались вовсе не такими уж ценными, чтобы везти их в отдельной коробке. Другое дело - Мирильда. Эта кукла обычно сидит на телевизоре, и, хотя она умеет хлопать глазами и пищать, с ней играют редко.

Мирильду нельзя запускать на луну, потому что у нее порвется воздушное кружевное платье, и в ванной ей нельзя плавать, потому что у нее перестанут завиваться желтые локоны. Ну, и на посту не сможет стоять, потому что у нее нет ружья как у Вити.

Правда, она умеет сгибать руки и ноги, примерять наряды, пить чай с тортом, сидя за кукольным столиком. Но при этом у нее очень недовольный вид. Мирильде не нравится, что торт украшен желтыми одуванчиками и может запачкать ее стильную юбку. Не нравится, что у неё нет спального гарнитура, пылесоса, газовой плиты с малюсенькой духовкой и набором кастрюлек, как у некоторых других кукол. А если все это Мирильде купить, то она немедленно захочет еще шкаф с трюмо, жениха в шикарном костюме, сумочку с набором косметики и машину на батарейках с гаражом. Но на все это ни у мамы, ни у бабушки нет денег. Поэтому Мирильда скучает такая недовольная на телевизоре: 'Куда я попала? Что за общество в самом деле?' И ее почему-то немного жалко.

Вот мама и пожалела куклу, что ее забыли взять, упаковала ее в коробку, и ленточкой заботливо перевязала. Старые же игрушки решила сунуть куда-нибудь в большую сумку, а пока просто положила на диван, с краешку.

Потом бабушка, которая оборачивала газетами банки с вареньем, прикрыла одной из газет игрушки, да так и оставила. А потом в общей суматохе пингвин, гусар и индеец вообще случайно свалились на пол - туда же, где пылился потерянный два дня назад тапок, и оказались в узком темном пространстве между диваном и тумбочкой с пластинками. Никто этого не заметил. Вскоре мама, Галя и Оксана уехали. Сестренки были уверены, что любимые старые игрушки едут в поезде вместе с ними.

- Приедут хозяйки, распакуют вещи, увидят, что нас нет, и будут плакать! - грустно сказал Антарксик, подпрыгивая и цепляясь короткими крыльями за диванную подушечку. Взлететь на диван ему не удалось. Зато подушка упала прямо на солдатика

Витю, который собрался было выбираться из тапка.

- Тише ты! Бабушка за стенкой проснется, - сказал Йохо.

Вокруг царила мгла, только в окошко пробивался свет от далеких уличных фонарей и негаснущей по вечерам витрины Универмага.

- Тапок невезения есть на свете есть, - проворчал Витя, вылезая наконец из бархатной пещеры синего тапочка. - Я, знаете ли, сюда специально днём спрыгнул. Смотрю - господа! - это тот самый тапочек, который все два дня искали! Решил прыгнуть. Думаю: будут искать караульного - найдут наконец свой тапок. Но, увы...

- Я построю вигвам и буду здесь зимовать, - сказал Йохо.- Львиное Сердце уже не хочет, чтобы его нашли. Все равно в нас играть некому.

Глава 2. Антарксик и Дикая Моль.

- Здесь не так уж плохо, - согласился Витя. - пластинок полно.

Гусар любил музыку. И, между прочим, умел сам заводить пластинки. Только не большие пластинки, а маленькие. Откуда он их брал? А они когда-то были нарисованы на старом картонном конверте, на котором еще красовались лохматые певцы. Пластинки были похожи на настоящие, и Оксана вырезала их ножницами. Витя же догадался надевать кружки картонка на кончик ружья и крутить по ночам, ведь игрушки оживают ночью. Музыка, когда Витя ставил пластинку, получалась презабавная. Но он давно мечтал попробовать залезть ночью в тумбочку и завести пластинку побольше.

- Неужели ты можешь веселиться? - укоризненно спросил Антарксик.

- А что ты предлагаешь? Солдат на привале, а служба идет. Конечно, если бы мы решились пойти искать наших девочек... но ведь вы скорее захотите спать на подушке или курить трубку в вигваме.

- Я курить давно бросил, - сказал Йохо, вспомнив, как дедушка надрал Юрке уши, когда нашел у него в кармане пачку сигарет. - Львиное Сердце умеет ходить быстро и бесшумно, но он мало запомнил город, в который поехали хозяйки.

- Я тоже, - вздохнул Антарксик. - меня не там сделали.

Надо пояснить, что игрушки не всегда ясно помнят дневные события. А всякие названия Не Игрушечных Городов, Стран или Рек ими вообще плохо запоминаются, если только это не тот Город, в котором игрушку сделали. Но видно всех трех друзей сделали на фабриках других городов, а может и других стран.

- Может, у Кузи спросим? - сказал Витя.

- Дома надо сидеть, а не шляться где попало! - проворчал в ответ домовой Кузя.

Он тоже расстроился, что девчонки уехали. С ними было так весело! Они роняли за

кресло кусочки печенья, а один разок пролили остатки сгущенки в том углу кухни, где Кузя любил шебуршать по вечерам, и забыли вытереть лужицу. А еще они всюду раскидывали кисточки и акварельные краски, так что Кузя позаимствовал немного красок, нарисовал три лунных пейзажа и украсил ими свою каморку.

Но и домосед Кузя понимал, что девочки будут скучать по любимым игрушкам. Поэтому честно постарался припомнить название города:

- Саппб?...нет... Ле?... Пит?...нет! не помню... Склероз. Я названия-то улиц, где мои родственники живут, подзабываю, а с тех пор, как улицы переименовывать начали, и совсем запутался. Ничего не помню! - сокрушенно сказал Кузя. - Моё дело - в доме все помнить, следить, чтоб всё в порядке было. А что там за стенами - кто его знает-ведает...

- Львиное Сердце много знает. - сказал Витя. - Помнишь, Йохо, ты нам про свой поход рассказывал?

Йохо рассказывал про свой поход так часто, что Витя с Антарксиком выучили его приключения почти наизусть. Хотя Йохо наверняка что-то преувеличивал. Например, Юрка, считающий себя уже не маленьким, вряд ли собирался брать игрушку на ролевуху, на которую его и самого-то еле отпустили. Просто Юрка забыл индейца в кармане, вот тот и поехал с ним и с компанией толкинистов. Сперва ехали в электричке, распевая под гитару эльфийские, гномьи и гоблинские песни. А потом разбили палатки, разделились на отряды - и стали сражаться на деревянных мечах. Темные силы сражались со светлыми, а потом все помирились, потому что на самом деле все ребята приехали на игру со светлыми добрыми сердцами, и дрались они понарошку. В последний день устроили пляски, пили кофе, захомячили много сгущенки. В общем, неслабо поколбасились.

- Ты уверен, что в том лесу живут настоящие эльфы? - спросил Антарксик.

- Юрка и его товарищи называли одну из лужаек эльфийской. Они там даже прятали сильмариллы, а потом находили их. Но никто не видел там эльфов по-настоящему, лишь я увидел однажды одного - он скользил между деревьями и с любопытством смотрел на тех, кто у костра. А потом куда-то исчез, словно ушел через подземный ход! - вспоминал Йохо.

Друзья слышали эту историю не впервые, но впервые она так заинтересовала их.

- Эльфы все знают. У них есть маги, которые могут подсказать нам, где искать Оксану и Галю! - решил Антарксик. - А ты как считаешь, Кузя?

В ответ домовой принялся ворчать, что, мол, раньше вот в лесах водились больше лесовики да мавки, а теперь понаехали тут, особенно после фильмов про Кольцо, невесть кто...

- Может эльфы здесь всегда жили, просто так хорошо прятались от нечистой силы, что про них мало кто знал, - предположил Йохо. - Я слышал о многих загадочных Духах и Существах, про которых лишь шаманы знают, как они выглядят. Вот ты, Кузя, когда-то давным-давно тоже в лесу жил, в потом ушел в пещеру к человеку, и в дом вслед за ним, но кто знает, каким ты был в молодости, может и ты с дивным лесным народцем в родстве состоишь.

- Мало ли кто кому родня, - ответствовал Кузя, - Смотрите, в чащобе-то легко заблудиться, от злой ворожбы пропасть. Сидели бы в тепле... Нынче все больно самостоятельные пошли...

Ворча, покашливая, жалуясь на сквозняки, домовой забрался на подоконник, накапал в

мензурку сок алоэ и пошлепал на кухню - добавить в сок песка из сахарницы и полечить напитком простуженное горло.

Игрушки переглянулись.

- Львиное Сердце - хороший следопыт! - уверил Йохо. - Моя помнит дорогу к эльфам!

- Не заблудимся! Гусары злой ворожбы не боятся! - заявил Витя. - Немедленно выступаем!

- А я вдруг да устану идти в такую даль, - заскучал Антарксик. - Нам дикие звери по дороге могут встретиться. Здесь в углу моль летала, - и то страшно...

- Страшно, так не иди. Оставайся здесь с молью разбираться, - сказал Йохо.

- Я в дорогу пластинки захвачу. С музыкой веселее. И ложку с кружкой надо бы не забыть, - забеспокоился Витя. - И патроны.

Патронами Вите служили шарики, скатанные девочками из фольги или бумаги.

- Львиное сердце возьмет лассо и теплое одеяло. Надеюсь по дороге украсть свой головной убор новыми красивыми перьями. Да, Витя, нам нужно не забыть деньги. Чтобы купить билет на электричку.

Деньгами были конечно фантики. Фантики от леденцов, карамелек и жвачек считались мелочью, а от шоколадных конфет с красивыми картинками - крупными купюрами. Игрушки стали подсчитывать свои сбережения. Это были в основном фантики от 'Золотого ключика', 'Му-му', 'Шумного Пузыря' и

- Да, и всего два ' Веселых журавлика', золотинка от шоколадки 'Андерсен' и один 'Красный мак'. Негусто. - подытожил гусар.

- У меня есть ' Три медведя', 'Дюймовочка', 'Каракум' и целых семь 'Белочек' - признался бережливый Антарксик.

- А тебе самому разве не понадобится твое богатство? - осторожно спросил Йохо.- Мы-то вдвоем идём, а тебе здесь в одиночку скучать, да с молью сражаться.

- А я бы с вами пошел, да меня не позвали, - проворчал Антарксик.

- Ну, так мы тебя зовем!!! - шепотом закричали гусар и индеец. Они-то специально не уговаривали друга, потому что знали, что он очень упрямый, и что ему надо принять решение самостоятельно. Теперь они очень обрадовались, что идут все вместе.

- Сейчас я свой клад достану1 - пообещал пингвин и полез было под диван, но вдруг закричал- Ой! Ой!! - и схватился лапками за горло, укутанное синим шарфиком - подарком Оксаны, которую бабушка учила вязать крючком. Оказывается, злобная Моль, про которую говорил Антарксик, вцепилась под диваном в шерстяной шарфик и стала тянуть его на себя. Йохо, быстро подбежав к другу, схватил конец шарфа и вырвал его из зубов Дикой Моли. А гусар успел зарядить ружье и выстрелил. Послышался хлопок, и Дикая Моль затихла.

- Каюк зверю. - сказал Витя. - Ты, Антарксик, горло так в следующий раз не обматывай.

- Это она мой клад хотела присвоить, - сказал пингвин. Но зачем ей деньги-то? А красивые фантики, правда? - он погладил лапкой блестящую пустыню, с изображенным верблюдом.

- Все равно я до тебя доберусь, толстяк! - послышался вдруг злобный голос из темноты. - До инфаркта чуть не довели, крыло подбили...Съем шарфик, а потом и до бархатной шкурки твоей доберусь. Днём ты от меня никуда не денешься!

- Эх, жаль, не видно её! - воскликнул гусар. - Спряталась. Не попасть в заразу. Ладно, пусть живет, все равно мы уходим, и, быть может, никогда не вернемся.

- Желаю тебе ружье сломать, когда с форточки прыгать будешь. - ехидно ответила Моль. А ты, толстяк в ветвях застрянешь, как пугало воронье. А ты, индеец...

Договорить она не успела, потому что Йохо метнул свое лассо. Метнул наугад, и не попал, конечно. Но Дикой Моли это не понравилось, и она со злобным хохотом улетела за ковер, где наверное пошла навещать своих подружек.

- А ведь правда, хоть мы и игрушки, а с третьего этажа страшновато лететь, - сказал Антарксик.

- Может, парашют склеим или на бумажном самолетике полетим? - предложил Витя. - Хотя пингвин на бумажный самолетик не заберется. Эх, жаль воздушного шара нет.

- У Юрки вертолет есть. Двухместный. На батарейках, - сообщил Йохо.

- Юрка далеко.

- А телефон на что?

В картонной коробке из-под игрушек был пластмассовый розовый телефончик с трубкой. Когда-то его покупали для куклы Мирильды, а теперь забыли взять с собой. Днем он, конечно, звонил не по-настоящему. Зато ночью...

Глава 3. Блокнотик для гусара.

Только увидев Юркин вертолет с мигающим фонариком над кабиной, влетающий в форточку, Антарксик понял, что действительно идёт в поход. А как бы хорошо было дождаться утра, тогда бабушка сделает уборку, найдёт толстенького пингвина и посадит его в уютное кресло, где гадкая Моль побоится подлететь к нему. Как безопасно, тихо и уютно можно было бы дремать!...Но решение уже принято.

Кузя, поняв, что друзья не передумают, подарил им замечательные подарки в дорогу - бутылочку с настойкой алоэ - лечить горло, палатку из старого воздушного змея и бубенчик - отгонять злые силы.

- Это чтобы вас кикимора не заморочила, кругами по лесу не водила. Звон ее отпугнуть должен, - пояснил домовой.

Антарксик взял с собой пузырёк со Сгущеновитамином - это такое лекарство. Налапные часы с синеньким ремешком, чтобы не опоздать на электричку. Коробочку с магнитными буковками - это игра в слова, вдруг в походе на привале будет время поиграть. Он бы много еще чего с собой взял, но вертолет объявил, что сможет сделать только два рейса, потому что на большее батареек может не хватить. И сказал, что вес багажа не должен быть слишком большим.

- Грустно, ребята, что вы уезжаете. Вот и Юрка скоро в девятый класс пойдет, не до меня ему будет. Ну, счастливого вам пути! - сказал вертолетик.

А все игрушки из Юркиной квартиры и те игрушки, которые были у бабушки с дедушкой, но не решились пойти в поход, и даже игрушки из совсем незнакомых квартир

стояли у окон и махали вслед отважным путешественникам. Им махали лапами и хоботами, платочками и гномьими колпачками, а одна отчаянная кукла Барби, которой понравился гусар Витя, даже чуть было не спрыгнула к нему, но в последний момент передумала и бросила к ногам понравившегося ей храбреца подарок - серебристый маленький блокнотик с карандашиком, на обложке были нарисованы сердечки, а на первой странице написан странный адрес.

- Это наверное её адрес в Интернете. - сказал индеец. Будешь ей на компьютере, по электронной почте письма отправлять.

- У меня нет компьютера, - огорчился гусар.

- Может, когда-нибудь и появится, - утешил Антарксик.

- Ах, какая она хорошенькая! - вздохнул Витя, оглядываясь на окна. Но вскоре дом стало уже плохо видно, дорога звала путешественников вперёд.

В витринах универмага тоже стояли и лежали игрушки. Но они были таких гигантских размеров! Вот если бы такие слоны, тигры и огромные зайцы с невиданной величины ушами ожили и пошли на вокзал...тут бы все люди точно удивились и даже испугались. А наших пингвина, гусара и индейца в ночной мгле из-за их небольшой величины никто не замечал.

Один только пьяный, держащийся за фонарь, вытаращился на них и сказал, что похоже перебрал сегодня. Да малыш в коляске, которого родители везли из гостей домой, помахал им ручонкой, нисколько не удивившись необычным крохам с рюкзаками за спиной.

Йохо зорко смотрел по сторонам и торопил друзей идти быстрее - иначе они не успеют на последнюю электричку и придется ждать утра. Вскоре, прислушавшись, игрушки уже могли различить вдали долгие свистки поездов и голос вокзальной дикторши. Чем ближе к вокзалу, тем больше встречалось народа. Несколько молодых людей очень торопились и везли багажные сумки на колесиках. Игрушки догадались запрыгнуть на эти сумки и добрались до вокзала гораздо быстрее, чем думали.

Молодые люди смеялись, пили пиво и не заметили, что их тележки стали чуть-чуть тяжелее. Когда же они оказались рядом с расписанием поездов, игрушки спрыгнули и стали высматривать поезд до станции Грибовичи. Оказалось, до отхода электрички осталось всего десять минут. Йохо, Антарксик и Витя поспешили на платформу. И опять их почти никто не заметил. Лишь она жадная девочка, увидев нарядного пингвина, вдруг закричала:

- Это мой! - и ухватила Антарксика за крыло.

Испугавшись, пингвин клюнул ее. Жадина ахнула.

- Я ошиблась! Это не моя игрушка! - пропищал пингвин, подражая голоску жадины, и мама потащила девочку дальше.

- Молодец! - похвалил Витя. - Не растерялся! Теперь бегом!

Помогая друг другу, игрушки прыгнули в вагон и спрятались под первую же лавку.

Глава 4. Кто мечтает о клетке?

Но отдохнуть им не удалось. Едва поезд отошел, под лавку сунул нос любопытный пес - большой, рыжий, лохматый и стал тянуть пингвина за толстый бочок из-под сиденья. Йохо храбро бил кулаками по лапам пса, а Витя стрелял в него шариками из фольги. Но наверное ружье Вити было слишком крохотное, а руки Львиного Сердца недостаточно сильные, потому что лохматое чудовище отмахивалось от ударов и пулек и продолжало трепать бедного пингвина, так что шкурка его уже трещала по швам.

Бубенчик, подаренный Кузей, жалобно позвякивал на шарфе Антарксика. Пассажиры дремали, читали книги, играли в карты или смотрели в окно и не обращали на возню пса с игрушкой никакого внимания. Друзья уже совсем отчаялись, когда из тамбура выкатилось вдруг что-то вроде смутного облачка, из которого донеслось:

- Пират, фу! Оставь беднягу! - слова эти были слышны лишь игрушкам и псу, который сперва призадумался, слыша свое имя, но решил не реагировать - слишком уж увлекательным казалось ему трепать пингвина.

Тогда облачно оформилось в забавное существо, напоминающее домовенка Кузю, но одетого несколько иначе - в лыжный теплый костюм, колпак с кисточкой и дырявый клетчатый плед. В руке существо держало клетку, похожую на клетку для птиц, но крохотную.

- Ах ты так, Пират?! Венечку не слушаться? - и существо открыло дверцу клетки, откуда тут же выпрыгнула Блоха - крупная и по-видимому оголодавшая. Совершив резвый прыжок, Блоха вцепилась псу в хребет так, что тот взвыл, разжал зубы и, бросив пингвина, принялся искать обидчицу. Поиски его успехом не увенчались и, жалобно поскуливая, пес побежал жаловаться хозяину, который оторвался наконец от своей газеты и стал успокаивать Пирата, гладя по шерсти и оглядываясь по сторонам. Но ни игрушек под лавкой, ни Венечку не заметил.

- Спасибо за чудесное спасение! - поблагодарил Антарксик нового знакомца.

- Ерунда, - ответил тот. - Просто бывает полезно заниматься энтомологией. Я все мечтаю завести себе какое-нибудь домашнее насекомое, но у меня не выходит. Комаров и блох надо кормить собственное шкурой, а мне это не нравится. Видите, как Блоха озверела за три дня - не хотела пить воду... А ведь я ей ногу сломанную вылечил, из-под ботинков вытащил, чуть не затоптали ее. Ну и никакой благодарности! Вот жил бы я в поезде дальнего следования - там хорошо - в вагоне-ресторане тараканов много. Приручать можно, дрессировать. А здесь в электричке холодно им, не заводятся. Знают, хитрецы, что зимой не выживут. И вагона-ресторана нет.

- А почему ты тогда жилье не сменишь? - спросил Витя. Тебе ж тоже в электричке холодно!

- Почему жилье не сменю?... Ты гусар?

- Так точно!

- Полк, к которому приставлен, сменил бы самовольно?

- Никогда! - отвечал Витя.

- Вот видишь. А я к вагонам приставлен. Я - домвагонный Венечка.

- Домовой?

- Круче. Говорю же - домвагонный. Всю жизнь на колесах... Устал уже. Все, это мой

последний состав. Дождусь, когда вагоны состарятся, и из них сделают домики для строителей, и стану обычным домовым. А если поезд вовсе пойдет на слом, то уйду жить в настоящий дом - к машинеру или его помощнику... А вас-то как звать?

Друзья представились новому знакомцу, рассказали о Кузе, о девочках-хозяйках, поведали цель своего путешествия.

- Значит, вы понимаете, что значит привязаться к кому-то, - вздохнул Венечка. - А вот я одинок, и мне не удается приручить даже глупое насекомое. Жила у меня Гусеница Полосатка в коробке-террариуме, ела листья, которые я рвал для нее в депо, и было мне веселее. Но она превратилась в Куколку... и теперь я сторожу ее сон - когда-нибудь из Куколки вылупится Бабочка и улетит, не догадавшись сказать мне 'Спасибо!'. Самым лучшим другом моим был когда-то Сверчок - мы подружились пять лет назад, когда вагоны были новее, и скамейки были не такие поцарапанные. Сверчок играл мне на скрипке, и я бывало подпевал ему, но с приближением холодов он простился и слез на одной из станций искать жилье потеплее. А я остался. Должен же кто-то приглядывать за всем этим хозяйством. Пугать пьяных хулиганов по вечерам. Внушать угрызения совести тем, кто не платит за проезд. Шептать на ухо контролерам, чтобы те были добрее к зайцам, которые безобидны и слишком бедны, чтобы купить билет...

Игрушки смущенно переглянулись.

- Мы тоже без билета сели. Не знали, где касса! Но деньги у нас есть - можем заплатить самыми блестящими фантиками!

Венечка благодушно махнул лапкой:

- Не стоит переживать. Даром что ли я здесь домвагонный? Вы ж мои гости. Вам куда? До Грибовичей? Так и быть - доедете без проблем, все четверо.

Друзья переглянулись.

- Но нас трое! Почему четверо?

- А четвертый-то заяц у вас в багаже спрятан. Венечка насмотрелся, его не проведешь. Пусть вылезает, не боится.

- Мы никого с собой не брали! - воскликнули игрушки.

Лишь сейчас они заметили, что подарок Кузи - палатка, которую они везли с собой, дергается! Внутри аккуратно свернутой палатки кто-то был. Но кто? Развернув палатку, друзья видели Дикую Моль, запутавшуюся в веревках и злобно щелкающую жвалами.

- Ах ты гадина! Палатку нам решила прогрызть и сама попалась! - вскричал Львиное Сердце.

Да, Моль действительно попалась - забралась в палатку, пока игрушки собирались в дорогу, а взлететь не смогла вовремя, и оказалась пленницей. А может быть она решила всю дорогу преследовать друзей и делать им гадости?

- Разве такую можно выпускать на свободу? Она нас выследит, и ночью Антарксика покусает. Уж очень ей его шарф приглянулся, - возмущался Витя.

- За повреждение палатки мы ее в милицию сдадим, - пообещал Йохо. - Розыскной овчарке на спину посадим, как Блоху.

- Меня нельзя обижать, итак крыло ноет и лапы затекли! Я вам просто за крыло отомстить хотела. А палатку не прогрызла вовсе - она невкусная, синтетика, тьфу! - плаксиво оправдывалась Дикая Моль. - Я с нее лишь пыль слизала - палатка-то у Кузи много лет под шкафом валялась, пыль на ней как зефир...

Игрушки осмотрели палатку. Дыр в ней и правда не было.

- Все равно тебе доверять нельзя! - сказал Йохо. - Слишком ты прожорливая! Что с

тобой сделать, чтоб ты от нас отстала - непонятно.

- Слушайте! - вмещался Венечка. - Вы что, не знаете, куда девать этого прелестного зверя с золотыми крылышками? Продайте его мне!

- Продать? Мы бы и даром отдали, но зачем тебе этот летающий кашалот?

- У меня никогда не было такого экземпляра. Что он ест?

- Разве ты не слышал? Эта обжора лопает шерстяные вещи. Прогрызает в них огромные дыры. Настоящее разорение.

- Шерстяные вещи? Чудесно! Вы не представляете, сколько люди забывают всяких варежек и даже шарфов в поездах - просто девать все это добро некуда! Я ее обеспечу шерстью по самое некуда! Единственный вопрос - насколько она чувствительна к холоду. Зимой электричку отапливают, но все равно по вагонам гуляют противные сквозняки, которые не понравились Сверчку. Но раз она так любит шерсть, я устрою ей теплое гнездо из мохера в клетке.

- Если я закутаюсь в шарф, да еще мохеровый, я перенесу любую прохладу! - зарыдала от счастья Дикая Моль. - Меня... Меня еще никогда не называли красивой! Лишь гонялись за мной и норовили прихлопнуть. Никогда не давали поесть досыта - травили нафталином и лавандой. Все считали меня глупой и бесцветной!

- У тебя очень экзотический цвет! - утешил Венечка. - И если ты будешь жить в клетке ты даже сможешь любоваться на себя в зеркальце, и делать упражнения на жердочке.

Дикая, вернее, теперь уже Ручная Моль немедленно забралась в клетку, а домвагонный поспешил исполнить свое обещание - сбегал в какой-то тайный уголок и принес оттуда для новой питомицы большую рваную пеструю варежку. Ручная Моль, урча, впилась в варежку жвалами, так что Антарксик даже вздрогнул, глядя, и еще раз подумал, что домвагонный и впрямь крутой парень, раз не боится дружить с таким монстром.

Теперь, благодаря заступничеству Венечки, ни люди, ни собаки, ни даже суровые контролеры не обращали на игрушки с рюкзаками ни малейшего внимания. Друзья восседали на свободной лавке, смотрели в окно, поглядывали на клетку с Дикой Молью и разговаривали с новым знакомцем. А перед самыми Грибовичами Венечка подарил новым друзьям два спальника.

- У меня коллекция спальников! - объяснил он. - Я ж говорю - пассажиры часто забывают всякие вещи, ну я и научился из них мастерить что-нибудь потихоньку. Это старые спальники, но теплые. Вам пригодятся - в лесу сырость, а вам быть может до самой зимы брести придется. На Антарксиков размер у меня спальника нет, но он - пингвин, ему и снег нипочем будет.

Ещё Венечка подарил путешественникам большой баллончик, который оказался газовой зажигалкой. Оказалось, домвагонный не любит табачного дыма, поэтому частенько кашлем или чиханием пугает тех, кто закуривает в тамбуре, особенно мальчишек. От неожиданностьи курильщики порой роняют зажигалки, ну а уж Кузя быстренько уволакивает их к себе.

- Не, эти зажиги-то я не коллекционирую. Уборщице тете Кате дарю за то, что она меня уважает. А сегодняшнюю добычу - вам отдам. Без костра-то в походе скучно. Однако тенику безопасности не забывайте соблюдать.

- Спасибо, Веня, не забудем!! - пообещали путешественники.

Груза у них прибавилось, но все это был полезный груз. Ведь игрушки ожили и им нужно было о себе заботиться. Обычно игрушки, как уже упоминалось, оживают лишь

ночью. Но друзья попали в экстремальные условия, а потому собирались двигаться по лесу и днем - сколько хватит сил.

Вот и Грибовичи! Совсем немного народа сходило здесь, и весь этот народ торопился гуськом по дорожке в сторону сияющих огней поселка. А Йохо, Витя и Антарксик, помахав на прощанье Кузе и Ручной Моли, отправились по лесной тропинке в чащобу, освещаемую лишь светом бледного, словно вырезанного из кальки, которой бабушка выстилает формы для печенья, месяца...

Глава 5. Унывающий пингвин.

Поначалу Львиное Сердце узнавал то одну, то другую примету, виденную им из кармана Юрки, и не уставал рассказывать, как индейцы великолепно ориентируюся в лесу. Но, когда друзьям несколько раз встретился на дороге один и тот же черный крокодил, который притворялся поваленным деревом, Львиное Сердце понял, что быть карманным следопытом не так-то просто.

Лес шуршал в темноте опадающими осенними листьями, шишками и мягкими иглами лиственниц, глухо постукивал желудями - унылая кикимора в сером ожерелье из перьев перелетала с дерева на дерево, морочила путников, заставляя ходить по кругу.

Не помогало даже звяканье Кузиного бубенчика - волшебные вещицы устают, если ими слишком долго пользоваться.

Игрушки попробовали трясти бубенчиком посильнее. Гусар Витя затянул бодрую походную песню, но в отдалении вместо эха послышался протяжный вой, и Витя смолк. Стало жутковато.

- Сделаем привал! - решил Йохо.

Путешественники так устали, что даже не стали готовить ужин... Поставили палатку на мягком мхе, вскарабкавшемся на корень могучей ели, забрались в нее и сладко уснули.

Йохо поворчал, что надо бы развести костер, отпугивающий хищных зверей, и оставить караульного, но даже у него самого уже не было сил дежурить. К тому же пол ночи уже прошло, и индеец надеялся, что под навесом мохнатой еловой лапы палатка останется незамеченной.

Так и произошло.

Из зверей Леса лишь Ёжик заметил необычную палатку, похожую на большой гриб. Подобрался поближе - обнюхать находку. Но, учуяв запах клеёнки, сказал себе, что это поганка, которую не стоит тащить в нору, и потопал дальше.

Кстати, Ёж недаром суетился, запасаясь провизией, потому что утром пошел сильный ливень и продолжался с короткими перерывами несколько дней... Это сильно помешало продвижению путешественников. Небесные хляби окатывали бархатного Атарксика

сверху, вода подбиралась к его ватным лапкам снизу, и вскоре бедняга так тяжелел, что не мог сделать и шагу. Приходилось прятаться в какую-нибудь пещерку под камнями и разводить костерок. Просушиваясь возле костра, пингвик прокоптился, и его бархатная желтая шкурка покрылась темно-серыми пятнами.

- Что скажут хозяйки, когда меня увидят? А мама Лида? Она итак не считала меня красавцем! - жаловался он.

Друзья утешали Антарксика и угощали супом, который варили во взятой из дома кукольной кастрюльке. Суп готовили по Галиному рецепту - клали в кастрюльку листья одуванчиков и крошечные грибочки на тонюсеньких ножках, пахнущие чесноком, добавляли для вкуса брусничину и чешуйку сосны, а вот воду наливать не приходилось - пока собирали грибы, дождь наполнял кастрюлю доверху.

Но вот наконец закончился период дождей, и Антарксик обсох настолько, что друзья смогли двигаться дальше.

Осень и непогода сильно изменили лес, и Йохо с трудом вспоминал дорогу. Впрочем, индеец и гусар шагали по чаще весело - всё им было интересно, а вот грязному отсыревшему Антарксику казалось совсем не до веселья.

Он стал очень плаксивым - ведь глаза его - синий и пуговичный-золотистый всегда были на мокром месте.

И еще он стал весьма нервным и шарахался от каждого шмыгающего по своим делам опавшего листа. Чтобы меньше нервничать, пингвин тряс бубенцом. Это его и подвело.

Магические вещи - капризные изделия, могут испортиться и забарахлить от неправильного использования. Кузя не догадался предупредить Антарксика, что, если долго заставлять бубенчик отпугивать выдуманные страхи и несуществуюих чудищ, то волшебству надоет враньё, и оно придаст фантому черты реальности.

Вечером, когда на небе вырисовалась круглобокая луна в мундире с золотым шитьем, и стала командовать звездам рассчитаться на "первый-второй-бесконечный!", Антарксик принял изогнутую ветку, валявшуюся на земле, за большую крысу...

Глава 6. Сражение с Веткокрысом.

Беда заключалась в том, что у Ветки на самом деле был премерзкий заряктер. В зеленой молодости она всё завидовала тем, кто, как считала она, был лучше освещен солнышком, и часто сплетничала: про одну соседку говорила, что она, мол, подозрительно близко подружилась с летучей мышью и помогает ей висеть в неприличной позе - вниз головой, а про других соседей, что те вообще умудрились сплестись между собой...

Сплетничать оказалось лучше всего в компании седого старины лишайника - он умел хорошо поддакивать Ветке и расхваливать ее ум и добродетель.

Однако, увы, однажды Ветка почувствовала что сохнет раньше времени, и тогда злость и обида на мир охватили ее. Ей хотелось ткнуть в глаз проходящему путнику или свалиться в бурю на нахального лягушонка, беззаботно прыгающего во мхах. В конце концов она рухнула, сбив старый мухомор и оглушив задумчивую жабу - больше ей вроде ничего не удалось натворить.

Теперь она мечтала, что о неё кто-нибудь споткнется или что из неё сделают дубинку - уж тогда бы она развернулась!

Но шли годы, Ветка трухлявела, чернела, обламывалась под резиновыми сапогами грибников, не успев проколоть их, и ничего выдающегося не происходило... пока Антарксик не увидел её, изогную, в лунном свете и не решил, что видит... крысу!

Антарксик тут же зазвенел бубенчиком, которому очень надоело звенеть попусту, и вот здесь вдруг случилось следующее - бубенчик сфальшивил, музыка, которую он издал, была сердитая и визгливая, и тогда, впитав лунный луч и собственную тень, Ветка и впрямь...

- На помощь! - закричал Антарксик.

То, что недавно лишь напоминало крысу, вдруг развернулось, мотнув лысым коричневым хвостом, вздыбило черно-серую шерсть и противно пискнуло.

Пингвин еще раз звякнул Кузиным подарком... тут бубенчик наверняка постарался бы исправить свою ошибку, но Антарксик так рванул шарф с перепуга, что прицепленный к нему бубенчик соскочил, упал и исчез в ворохе осенних листьев. Веткокрыс радостно оскалил желтые резцы, зарычал и, подпрыгнув к Антарксику, цапнул его за ласт.

Бедный бархатный пингвик закричал, опять зовя на помощь!

Впершись блеклыми луннымим глазами в Антарксика, Веткокрыс понял, что его ужасно боятся - наконец-то! Он всегда мечтал об этом. Именно чужой страх сделал его трухлявое тело подвижным и сильным. Впитав чужой ужас, Веткокрыс стал быстро-быстро расти:

- С-злушайс-ся меня, т-толстый пт-тенец-с! С-злушайся, не т-то я перегрыс-зу т-тебе горло! Отныне я - т-твой единс-ственный и с-справед-т-ливый хос-зяин. Больше т-тебе никто не нус-жен, и, если т-ты будешь с-злушаться, будешь вос-зносит-тьс-ся нат-д миром вмес-ст-те со мной. Найт-ди и от-тдай мне т-ту волшебную вес-щичку, кот-торую уронил, от-тдай с-сам! Мне!!

Веткокрыс понимал, что бубенчик, предназначенный для доброго волшебства, не будет звенеть, если его отнять силой. Но один раз бубенчик уже совершил ошибку, значит, если заполучить его, то можно будет приспособить его звон для служения злу, и тогда Веткокрыс не потеряет свой облик с приходом рассвета...

Тем временем, индеец и гусар, которые до этого ушли чуть вперед, обернулись к товарищу и бросились на помощь. Увы, в первое мгновение и они, оторопев от неожиданности, испугались увиденной сцены: пингвин стоял возле огромного перемерзкого крыса и кланялся ему, а крыс мотал из сторны в сторону длинным хвостом и скалил два острых зуба, что-то приказывая. Бедный Антарксик в то время старался собрать остатки своего мужества чтобы не полезть в траву за бубенчиком, и не отдать его, ведь он понимал, что, если Веткокрыс станет могущественным, то его друзьям не сдобровать.

Витя поднял ружье и выпустил в чудище весь заряд бумажных шариков, а, когда патроны кончились, подскочил к зверю и просто ударил его изо всех сил по лапе ружьем. А Йохо тем временем посылал в Веткокрыса стрелы одну за другой.

Веткокрыс возмущенно запищал и крутанулся на месте, расшвыривая противников в разные стороны. Он оказался сильным бойцом - недаром старая ветка так долго копила в себе злобу. Вскоре и Львиное Сердце и Витя уже валялись на траве, а Веткокрыс увлеченно ломал лук индейца. Сломав лук, он бросил обломки в Антарксика, и прошипел ему:

- Ну, понял кто нас-ст-тоящий хозяин? Т-тащи бубенец, а т-то из т-тебя пот-душку для иголок ст-делаю! - при этих словах Веткокрыс выпустил кривые серые когти.

Гусар и индеец поднялись с травы и опять бросились на противника, и опять гибкий ловкий Веткокрыс хлестнул по ним хвостом, врезал тонкими жесткими лапами, и повалил на землю, и провел когтями по Витиному мундиру, оставив глубокие царапины.

И тем не менее Йохо с Витей смогли побороть в себе страх. Вскоре вскочив на ноги, они опять были готовы к драке. Подводил всех бедолага Антарксик - вот ему становилось всё страшнее и страшнее. А Веткокрыс разбух от его ужаса, разросся так, что уже кончик хвоста его достигал чуть ли не до верхушки дерева.

- Слушайте! - вдруг вскричал индеец. - Я понял, нам надо его БОЯТЬСЯ как можно сильнее! Если он станет большим, его притянет луна. Она же притягивает тех, кто сотворен с помощью её света. Гляньте!

И правда, шерсть на Веткокрысе, чем больше он рос, тем сильнее вставала дыбом, а хвост и вовсе встал вертикально, чего почти не бывает у крыс, и кончик хвоста указывал прямо на луну.

- Антарксик, постарайся больше бояться его! - крикнул Йохо. - Понимаешь, он тогда станет совсем большим, как ракета, и полетит к луне. Бойся, бойся! Не тормози!

Витя засмеялся услышав, что Веткокрыс полетит на светящийся каменный шар, похожий на заплесневелый сыр в вышине, - ему вдруг стало казаться, что крыс с глазами-иллюминаторами и хвостом-антенной выглядит очень забавно.

Веткокрыс же, пораженный и обиженный тем, что игрушки смеются над ним, резко уменьшился в размерах.

- Антарксик, бойся! - напомнил Йохо.

Но, если тебя ПРОСЯТ бояться, то это оказывается не так-то просто.

Антарксик вдруг увидел, что Веткокрыс - всего лишь преображенная ветка, и даже шкурку он порвал Антарскику так, как может порвать ветвь, если за нее сильно зацепишься - вот и всего делов. Чего тут страшиться? Собственного воображения?

Веткокрыс так стремительно уменьшался в размерах, и озлобно вращал на луну своми бледными глазами, что это казалось смешным. Друзья хохотали все громче, а пингвин даже присел от смеха, хлопая себя хрыльямии по бокам, и тогда Веткокрыс вдруг не выдержал их веселья, затрещал и развалился в труху...

Но и тогда злой морок продолжался - игра теней выхватывала в ворохе листьев то крошечного дракончика с крыльями, то жука с головой ящерицы, то еще какое-нибудь фантастическое существо. Выскочил откуда-то паукоклещ с восемью ногами и, подпрыгивая, устремился у Йохо. Отступая, индеец догадался чиркнуть зажигалкой и паукоклещ отступил во тьму. Друзья, оглядываясь, постарались побыстрее уйти с проклятого места. Но перед этим они нашли все-таки в траве бубенчик (теперь Антарксик понял, что тому, кто просит помощи волшебства, нужно ещё и личное мужество).

Отойдя подальше, друзья набрали сушняка для костра, причем Антарксик внимательно осматривал каждую палку, чтобы она, кроме как на палку, больше ни на что не была

похожа. Сготовили ужин, поджарив шашлык из найденных ранее диких груш. Поставили палатку.

Пингвин вызвался дежурить, потому что чувствовал свою вину за поцарапанный мундир Вити и задержку в пути. Он, вздыхая, смотрел на искры костра, сравнивая их со звездочками в вышине, и грустил по прежней уютной жизни в доме, в безопасности.

Глава 7. Золотой глаз.

Вглядываясь в языки пламени, он вдруг увидел, что там не огонь, а солнечный сад с оранжевыми кустами, и между ними танцует, изгибаясь, ящерка. Вдруг ящерка обернулась и глянула на Антарксика золочеными мудрыми глазами...

- Привет! Нечасто приходится встретить пингвина такого чудного цвета!

- Спасибо, - сказал Антарксик. - А Вам не жарко? А то я спасу Вас - вылью холодную воду из чайника.

- Ой, не вздумай! - испугалась ящерка. - Ты, что не понимаешь? Я - Саламандра и живу в огне.

- Как же так? Значит, когда костер погаснет - ты умрешь?

- Нет, я всего лишь стану невидимой крохотной огненной сущностью и перелечу в другой костер, печь или очаг... Я путешествую по воздуху, ища огненную стихию. Так ты не будешь выливать чайник? Зачем вообще нужна эта гадость - в нём наверняка мало доступа воздуху, и не развести огонь.

- Чайник - он для чая, - сообщил пингвин. Он считал, что синий чайничек из набора посуды куклы Мирильды очень симпатичный. Но раз Саламандре он не нравился, пингвин пообещал даже близко не подходить к нему. Ящерка, шкура которой переливалась всеми оттенками розового, лилового, алого и багряного цветов, а иногда мерцала зеленым и синим, казалась пингвину удивительно трепетным и беззащитным созданием. К тому же с ней было так интересно беседовать! Антарксик даже не заметил, как перешел на "ты" в разговоре, словно познакомился с Саламандрой давным-давно.

- Мы тоже путешественники, - сказал Антарксик. - Недавно встретились с жутким Веткокрысом. Смотри, держись от него подальше, если увидишь.

- Ха-ха. Это он пусть держится подальше! Я могу вырасти до небес, если захочу. Да я в тыщу раз опасней любого зверя! - расхвасталась кроха.

Антарксику даже смешно было слушать, как она раздувается от гордости, приплясывая в огненных зарослях. Но он был вежлив и решил не спорить.

- С Веткокрысом тебя никак и не сравнить, ты гораздо красивее, - уверил он.

- Да это правда. Я могу заворожить любого. Но разговориться со мной и при этом остаться в живых могут лишь алхимики или удивительные простаки вроде тебя. Скажу

тебе по секрету - моя мечта - дорасти до звезд и превратиться в огромного дракона....

Тут в костре треснуло, большная коряга развалилась, зачадила, взметнулся вверх конус пламени, и на мгновение Антарксику показалось, что у выросшей вмиг Саламандры очень злобные глаза и несколько рядов острых зубов во рту.

Он отшатнулся. Но тут пламя улеглось, огненый сад стал палисадничком, а Саламандра похожей на ручную зверушку. Чтобы отвлечь ее от разговоров о драконах, Антарксик решил сменить тему:

- Где ты бывала, каковы впечатления?

- В последний раз я плясала в камине, у которого грелась компания дружных эльфов. Они рассказывали сказки, отхлебывая эль, и пели песни, ах, как было здорово! Я так расстрогась, что о сих пор в удивительно добром настроении. А до этого я помогала выпекать печенье жене лесничего. Ну, а до этого... Хм, в принципе, какая раница? Там, позади - бесконечное количество костров, потухшее время, а я стремлюсь к огненной звезде и к пламени, в котором отливают новые сверкающие миры... стоит ли утруждать свою память?

- А где ты видела эльфов?

- А ты подбросишь мне в огонь еще веток?

- Да! - пообещал Антарсик.

- У тебя глаз золотого цвета - как у меня. Поэтому я скажу тебе. Скажу, где видела эльфов, о, Блестящий Глаз! - льстиво пропела Саламандра и выдохнула крошечный салют в черноту ночи. Ее собственный золотые глаза ярко блеснули.

Антарксик взял крылом самую большую сучковатую палку. Но вдруг сомнения охватили его. Ему вспомнилось предостережение индейца:

- Подкладывай топливо понемногу, когда поймешь, что иначе костер погаснет. Без причины не кидай много хвороста и смотри, чтобы огонь не вышел из круга камней.

Антарксик глянул - Саламандра плясала в кругу, но оранжевые заросли вокруг нее были еще достаточно большие, костер и не думал гаснуть. Скажет ли Саламандра правду об эльфах, если станет сейчас гораздо больше размером? Почему-то она мила лишь тогда, когда становится меньше. Когда она чувствует, что тает, в ней появляются задушевность и мудрость. А, едва она начинает расти, она становится лживой и жадной. Почему?

- Почему ты не кладешь хворост? Я мерзну и уменьшаюсь! - капризничала Саламандра.

- Ты не выполнила свое обещание. В какой стороне эльфы рассказывали друг другу сказки?

- Сказки? - Саламандра закружилась. - О-эй, Золотой Глаз, ты любишь сказки и песни? Знай, нет ничего мелодичнее, чем завыванье в каминной трубе - там плачут дымные кольца древес, рассказывая о Прошлом и прорицая Будущее.

Костер становился меньше, и Саламандра приобрела, наряду с желтым и алым, сиреневый и изумрудный цвета. - Я видела эльфов там! - она показала кончиком хвоста, и Антарксик запомнил направление - ТАМ виднелась ель с двойной верхушкой, словно ночное дерево было украшено черной лирой.

- Я не обманула, выполняй обещание! - напомнила крошка-ящерица.

Пингвин подбросил веток в костер, и деревья огненного сада словно зацвели пурпурными цветами, а Саламандра стала грозной и убыстрила танец.

- Зачем тебе эльфы, с их глупыми сказками, где добро побеждает зло? Нет ни добра,

ни зла, лишь жажда, жажада, жажда, - надтреснутым голосом шелестела она. - Можно утолить жажду того, кто хочет пить. Но кто может утолить МОЮ жажду? - жажду безмерного и вечного, жажду могущества? Кто?

Антарксик не очень понимал, о чем говорит Саламандра, но и сам затосковал от ее речей - о чем-то беспокойном затосковал. Подумалось ему, что существование бессмысленно вообще, а уж игрушек - в особенности. Ну, кому нужен весь этот поход, да и глупые девчонки небось и думать забыли про своих пластмассовых-резиновых-бархатных друзей? А может послать весь этот мир подальше?

- Да-да, подальше, - гудела Саламандра. - Ну какой ты пингвин без глыб льда вокруг? А знаешь, где льда больше всего? В космосе, где летают прекрасные кометы, состоящие изо льда и светящейся огеннной плазмы - вот где истиная красота! Хочешь, полетим туда вместе?

- А может она права? - подумал Антарксик. - Забыть суету и тревоги, и нестись в шлейфе бродячей кометы сгустком плазмы в её хвосте - вдруг в полёте станет легче и веселей?

- Подкладывай, не жадничай, - смеялась Саламандра. - Я расскажу тебе много удивительных историй. Например, про новогоднюю елку со свечами.... Я на самом деле помню их все, все...

Антарксик завороженнно клал и клал хворост в пламя, а оно взметалось все выше, и голос Саламандры становился все обольстительнее... Бубенчик неуверенно звякнул, желая помочь другу, но ящерица шепнула ему что-то на языке кузнечного горна, и сковала медный голосок бубенчика.

Тут пингвин увидел, что запас топлива кончился, а огонь уже вышел из круга камней и лижет осеннюю траву, подбираясь к палатке, где мирно спят Витя и Йохо.

- Нет-нет, здесь уже нельзя палить! - вскричал Антарксик и, схватив чайник, вылил его там, где огонь перешел границу.

Саламандра грозно зашипела, вскипев гневом:

- Ты нарушил обещание, Золотой Глаз! Вот тебе! - И она плюнула в Антарксика снопом искр.

Глаз пингвина пронзила сильная боль, шкурка задымилась. Антарксик заверещал, хлопая себя по бокам крыльями. Из палатки выскочил Йохо - сон у него, как у настоящего индейца, оказался чуткий. Он быстро оценил обстановку и сбил пламя с друга, обернув его одеялом и велев покататься по ночной росе вдали от костра. Горящую траву он просто затоптал. Саламандре же больше не досталось ни щепочки дров, и, лишенный подкормки, костер в конце концов угас. Ящерица стала невидимой и улетела куда-то к красной заре занимающегося восхода.

Антарксик рассказал Йохо о своих разговорах с ней.

- Ну и везет тебе на приключения! - удивился индеец. - Сколько моя сидел возле костра с толкинистами, никогда еще саламандр не видел, и в разговор с ними не вступал. Одно могу сказать, что в ту сторону, которую Саламандра показала, Львиное Сердце не собирался вести вас. Но проверить это направление можно. Всё равно мы мал-мало заблудились. Трудно найти эльфийскую поляну. С Юркой искать её много легче было.

Они разбудили гусара, и тот весьма удивился, что, пока он спал как пожарник, возле палатки едва не случился настоящий пожар. И весьма расстроился, когда увидел, что

золотой глаз Антарксика стал черным от копоти.

- У меня мундир исцарапан, а пингвин без глаза остался, и очки у него в подтёках, и вся шкура в пятнах сажи, ну, а у индейца подошвы оплавились, лук сломан - видок у нас всех, словно мы себя на помойке нашли! - сокрушался Витя.

Игрушки накололи камнями орехов и испекли ореховых лепешек на углях. Йохо и Антарксик рассказали Вите об изменениях в плане похода. А после завтрака они долго брели - почти до полудня, и вышли наконец на удивительно светлую полянку, с краю которой стоял огромный, замшелый, весь в морщикнах камень - будто страж, а напротив камня пень необычайной ширины, словно трон, и высокий кипрей рос возле него, покачивая опахалами соцетий.

Здесь росла удивительно зеленая мягкая трава, словно не замечавшая осени, и здесь бубенчик на шарфе Антарксика зазвенел сам по себе - мелодичными переливами, журчащими, серебрянными звуками, словно приветствуя невидимых хозяев. Тогда Йохо сказал: сомнений нет - это ТА САМАЯ поляна. А значит, первый этап путешествия завершен...

Глава 8. Встреча с эльфами.

Друзья радостно расположились на поляне, но шло время, а ничего особенного не происходило.

- А вдруг они вообще не покажутся? - спросил Антарксик. - Скоро вечер, а эльфы и не собираются выходить, хотя здесь явно кто-то есть. Мне то смех чудится, то будто на пианино играют.

- А мне звук трубы слышится, - сказал Витя.

- А мне постукивание, будто кто-то обивает корой вигвам Большого Вождя поплотнее, к зиме готовясь, - раздраженно сказал Йохо. - Задаваки-эльфсы! Мы сюда еле дошли, а теперь получается нам не рады вовсе?!

Друзья сели обедать, а перед тем, как отведать макарон из еловых игл с фрикадельками из голубики, громко пригласили к столу обитателей дивной поляны, но опять никто не подошел. Лишь эхо донесло откуда-то тихий смех и слова:

- Мы зеленые макароны не едим! - словно кто-то озорно крикнул из дупла дерева рядом с поляной, и опять всё стихло.

Подкрепившись, Йохо решил произнести речь перед невидимыми обитателями поляны и, забравшись на пень, изложил известную нам историю. Добавил несколько слов и Антарксик:

- Мы не просим от вас особого там волшебства, просто укажите хоть направление - куда нам идти, чтобы отыскать своих хозяек, мы готовы шагать хоть десять лет, лишь бы обрадовать их.

- Нужны вы будете взрослым девицам через десять лет, как же! - слабо донеслось из чащи, и опять засмеялся кто-то, но засмеялся невесело.

Поляна вновь замолчала.

- Им неинтересно с нами - грустно сказал Йохо. - они считают нас чужаками.

- А может сомневаются, достойны ли мы доверия? - спросил Антарксик.

- Возможно, - согласился индеец. - Лесной народец очень подозрителен. Эх... Вспомнил! Эльфы любят стихи и песни. Если мы заговорить на языке, близком им, нас может быть наконец примут всерьез!

- Витя часто пишет что-то в блокноте, подаренном ему Прекрасной Дамой, - тихо заметил Антарксик.

Гусар смущенно кашлянул:

- Гм. Это вроде путевых заметок, к тому же в прозе... очень личного свойства. Ну, правда стихи тоже встречаются.

- Ну, так и прочти стихи. Личные-неличные - какая разница, - сказал Йохо. - Поэт вроде бы как для Вечности пишет, что там уж скрываться.

- У меня не для Вечности, а все очень скромно. - опять стал оправдываться гусар

Как большинство виршеплётов он одновременно весьма хотел прочесть свои творения, и в то же время очень стеснялся. Но Антарксик и Йохо уговорили его. На пень Витя забираться не стал. Встал посреди поляны и с выражением начал читать, впрочем, в концу стихотворения голос его становился все неуверенное и чуть не смолк:

Пушинки одуванчика преград не знали
В своей жизни кроткой,
Но меж двух трав застряли в паутине легкой
И ветер их туда-сюда качал будто нарочно -
Паук сердился, хлопотал вдоль нити прочной.
Но вот дожди пошли, пушинки в грязь упали...
И им казалось, что они свое уж отлетали
Но с новым солнышком опять пушинки возродились,
Меж колосков высоких трав вновь закружились,
...А паукам комарики все снились

Антарксик и Йохо захлопали с великодушием истинных друзей, хваля произведение гусара. Так что следующий стих он прочел уже более бодрым голосом:

Осенний вьюн, сердечно опадая,
Струится гобеленом в тень ветвей.
Листва шуршнула - мышка полевая
Бежит, и хвостик тянется за ней... -
Реальней он, чем серая та нить
Суровая, из коей соткан фон
На гобелене, дабы оттенить
Все символы... Чтоб золотой дракон
Не смог унесть пылающее сердце
Как бедный лист оранжевый - в тот край,
Где мне с тобой не жить уж по-соседству -

Расстались мы: "Прощай, мой друг, прощай!"

- Печально-то как, - шмыгнул клювом пингвин, которому превращение мышки в дракона, напомнило превращение ветки в страшного Веткокрыса.

Йохо стих показался слишком уж запутанным и непонятным, но он решил, что настоящая поэзия как раз таковой и должна быть, и тоже похвалил произведение, но при этом сказал:

- А может у тебя найдется что-то более конкретное? О нашей жизни в доме у бабушки, о Кузе... Заодно уж сделаем тебе музыкальное сопровождение волшебным бубенчиком!

- О Кузе я как раз сегодня после обеда что-то такое накропал, - сказал Витя. - Но это еще, так сказать, набросок:

Лес полон трелями и сухостоя треском,
На старой мебели - незримое гнездо.
Там - Кузя - домовой. Он занавеску
Поправит, обходя с дозором дом,
Ревниво глянет в блюдечко кошачье,
Алоэ на лекарство отщипнет,
И в мареве зеркал все неудачи
Как пыль, тихонько лапкою сотрет...

По мере чтения стихов Витей, странный перламутровый туман заклубился над травой поляны, задрожали листы окружающих ее деревьев, но вот с последними строками растаяла колючая грань между мирами, - вся поляна преобразилась...

Друзья увидели вдруг и трон на месте пня и стол, полный яств и кувшинов эля, увидели дорогу и дворец вдалеке:

Сегодня небо между облаками
Осенней стало, мглистей и шумней.
Закат позолотил замшелый камень
И замок блеска вырос из камней.
Дворец Чащобы - лиственный, нарядный,
Где гул веселья словно гуд шмелей,
Где васильков и бархатцев отрадней,
Принцесса Эйвен в нимбе из лучей.

Так Витя впоследствии написал об этом приключении. Но эти слова весьма слабо передавали то восхищение, которое охватило путников. Они впервые услышали журчанье позолоченой арфы и раскатистый серебряный зов рога, и нежные красивейшие песни, но, увы, не сразу освоили эльфийский язык и многое так и не поняли из содержания этих песен, но мотив их напоминал о чём-то древнем-древнем, очень милом и уже слышанном, и щемил сердце.

Горят фонари на деревьях -
Огромных деревьях прекрасных...
Живут там дивные эльфы

И ты поживи средь них...
Вдали, как нарядный парус,
Лист развернулся красный
Весь в брусничных кораллах
Пень словно древний бриг.

Ах, нет, не получалось у Вити перевести на обычный язык волшебные песни дивного народца! Но как здорово было отплясывать вместе с эльфами веселые танцы! Эльфийская принцесса оказалась такая красивая, что гусар наверняка влюбился бы в нее, если бы его сердце уже не было занято. Ну, а Йохо и Антарксик были просто совершенно очарованы. Казалось, нет ничего беззаботнее и веселее, чем жить и жить на поляне, разглядывать статуи эльфийских правителей и читать старинные книги. Так бы никогда и не уходить отсюда! Но в тоже время странное беспокойство все сильнее охватывало друзей...

Глава 9. Подарки эльфов.

В лиловый час, когда траву на склонах
Приглаживает ветер, варят эльфы
В чанах напиток из волшебных трав...
Не в час полночный - час глухой и темный,
Но в тот, когда вечерняя прохлада
Заката переливами полна.
О, горе путнику! Решившись отдохнуть
В лиловый час на мягкий травах склона,
Вернется он не скоро -
Три лишь дня
Покажется ему, он пировал
На празднике у фей, у шумных эльфов,
А на земле уж тридцать лет прошло...

Время на дивной поляне текло иначе. И хоть разница была не столь велика, как в старинной балладе, но все-таки много быстрее тикали там часики, словно на развеселом празднике, на который только-только явился, поиграл, потанцевал, попробовал вкусный торт, а уже пора уходить...

Однажды, выйдя из квартиры после сытного завтрака (а квартира, где разместили

путешественников, была устроена в дупле большого дерева и отличалась большим уютом), и спустившись по красивой резной лестнице вниз, друзья увидели большую кучу снега на изумрудной траве. Эльфы весело бросали друг в друга блестящие белоснежные шары, а гном Заухол лепил большого снежного дракона и ворчал, чтобы ему не мешали.

- Откуда столько снега? - просили друзья.

- Нанесло из Большого Мира. Сегодня там была сильная метель.

И тогда наши путешественники поняли, что задержались на эльфийской поляне, и что пора стряхнуть чудный сладкий сон, на который похоже пребывание здесь. Так они явились к принцессе Эйвен с просьбой разрешить им продолжить свой путь...

- У нас не принято отпускать друзей без подарков! - сказала Эйвен, услышав просьбу. - Есть ли у вас, сударь Антарксик, сударь Йохо и сударь Витя заветные желания?

Друзья разговаривали с принцессой в красивом зале с картинами и огромным зеркалом. И они могли увидеть себя в зеркале - красивых и сияющих, будто сейчас с фабрики игрушек. Шерстку пингвину заботливо вычистили, подпалины залечили. А глаз позолотили так, что он стал видеть и сиять лучше прежнего. Очки же заботливо дорисовали, ровненькими линиями, так что получилось лучше, чем рисовал когда-то Юрка. Мундир Вите отгладили, царапины залечили. Йохо получил новый лук и колчан, полный отточенных стрел, великолепные мокасины взамен новых, а в его головном уборе появились новые резиновые перья.

- Мы уже получили свои подарки, Ваше Высочество! - сказал за друзей Антарксик. - Мы стали красивее и сильнее, чем раньше. И лишь одна у нас просьба*, с которой мы и пришли сюда - показать нам Путь к нашим хозяйкам. Мы всего лишь игрушки и нам тяжело знать, что те, кому мы предназначены, плачут и скучают без нас.

- Вы не просто игрушки, достопочтимый сударь Антарксик. Вы - наши друзья, - ласково произнесла Эйвен. - Нам жаль, что вы покидаете нас. Но мы понимаем, что таков ваш Путь. Он лежит на северо-восток, к Почтовому Дереву. Это удивительное дерево, на котором растут зеленые, лиловые и синие листья. Они разворачиваются из почек и трепещут на ветру, помогая дереву расти. Но стареют листья по-особенному. Старясь, они белеют, а прожилки их темнеют и постепенно становятся похожими на буквы. Вернее, это и есть самые настоящие буквы, а листы - становятся листами бумаги. Вокруг старых листов нарастают новые, особые пестрые листики и образуют конверт с адресом.

Наступает срок, когда послание отрывается от родной ветки и улетает по назначению. А на нижних толстых ветвях подрастают плоды-бандероли. Их уносят на спинах почтовые голуби и ручные белки. Это - друзья Почтового Дерева. Они любят жить в его кроне и дуплах, потому что там безопасно - Дерево не подпускает близко злых и хищных существ, а погода возле него всегда неизменна, это что-то вроде ранней весны или поздней осени. Прохладно и слегка сумрачно, и кружатся необычные вихри, так что немногие могут выдержать там. Но белкам и голубям нравится. К тому же Дерево выращивает ради своих друзей шишки с орехами и вкусные ягоды, напоминающие крошки кекса. Так что почтовые белки и голуби живут в полном довольстве. Но Дерево очень капризно, потому что старо. Если вы ему понравитесь, оно поможет вам. Выслушав внимательно ваш рассказ, оно мигом вырастит вам бандероль с адресом того самого города, дома и квартиры, куда уехали ваши Галя и Оксана. Вам останется лишь залезть в эту бандероль. С ветвей накапает смола-сургуч, и белка понесет вас словно в

крошечном домике туда, куда вам нужно. Как Почтовое Дерево догадывается, кому куда нужно, не знаем даже мы, да и оно само наверняка не знает этого. Оно обладало такими свойствами, едва проклюнувшись из волшебного семечка ее тысячи лет назад. Для него география тревог и желаний так же проста, как разговор с лучом солнца. Ему известны все адреса всех живущих на Земле, так уж оно устроено. И оно всегда знает, кто по кому скучает и кому куда надо отправить послание. Оно растет все выше и выше, и где-то на вершине его подрастают листья нового поколенья - там носятся по ветру интернетские "мыльные пузыри" и эсэмэски мобильников - послания почти невидимые на лету, и кажется, что крона Дерева прячется в тучах и громовых разрядах, словно оно знает всё, и ему тяжело от этого, и оно вот-вот расколется на части.

- А мы точно ему понравимся? - просил Йохо.

- У вас будет Дар для него, - ответила принцесса Эйвен. - Вот вам волшебный щит, которая одновременно будет вашим проводником и подарком Дереву. Это щит из двух легких пластин металла, в центре которого спрятаны волшебные угли - угли костра, в котором танцевала говорящая Саламандра. Самандры очень редко разговаривают, редко показываются другим существам и, если это случилось, то угли становятся зачарованными углями. Ои обладают многими удивительными свойствами. Чем ближе вы будете подходить к Почтовому Дереву, тем сильнее угли будут нагреваться. Ведь мы можем показать вам лишь примерное направление, а близ самой цели вас будут сбивать с пути почтовые вихри и туманы, и без щита-компаса вы будете вечно бродить вокруг Дерева, но не приблизитесь к нему.

- Значит, нам надо будет играть в игру горячо-холодно? - спросил Витя.

- Примерно так.... Добравшись до Дерева вы зароете угли возле его корней, чтобы обогревать их. Все старики любяи тепло. Дерево сразу станет благосклоннее к вам. Возьмите щит - вы заслужили право владеть им, так как смогли разговорить Саламандру и остаться в живых, и уберечь от пожара лес. Еще мы дарим вам волшебные теплые плащи, в которых вам будет легче перенести непогоду, ну и снабдим некоторой провизией... Ведь вам по дороге будет некогда искать еду, тем более под снегом.

- Мы тоже просим вас принять от нас маленький подарочек, - сказал Антарксик и с поклоном вручил Эйвен игру "Эрудит". Пингвин заметил, что эльфов весьма заинтересовала игра в буквы на магнитной доске. - Нам все равно будет холодно двигать квадратики зимой и тяжело таскать лишнюю вещь рюкзаке, - добавил он.

- Спасибо, щедрый Золотой Глаз! - сказала принцесса. - это очень интересная игра и ваша доброта будет прославлена в песне.

Друзья тоже были очень рады полученным от эльфов дарам. Но больше всего их тронул прощальный подарок, который они получили, когда уже собрались в поход, надели плащи, рюкзаки, куда заботливые эльфы положили очень много вкусной провизии, взяли щит и свое оружие, и подошли к Хрустальной Двери - огромной двери, разделяющей два мира...

По трем измереньям пройдя, шаг четвертый отмерь,
И в веер безбрежный тогда развернется мгновенье.
Не дрогнет ни ось, но слегка приотворится Дверь,
Ступлю за порог, что казался лишь радуги тенью,

В реальность, которая помнилась ясно из снов,

Где снова увижу что в детстве мне было так мило,
Былое воскреснет, поскольку бессмертна любовь,
Послушны ей луны планет и космической бездны светила...

- Мы дарим Право Возвращения в наш волшебный мир. Вы сможете вернуться, если вам станет слишком одиноко в мире обычном, и если вам будет совсем некуда идти. Стоит вам пожелать, и огромная хрустальная дверь возникнет в пространстве - вы войдете в нее навсегда и уже навсегда останетесь с нами.
- А можно, Прекрасная Госпожа Эйвен, - застенчиво начал Витя, - Можно ли моей невесте тоже дать это Право? Вдруг она когда-нибудь поблекнет, будет заброшена и забыта своими хозяевами, и тогда и ей вдруг будет некуда идти.
- Хорошо, мы дадим ей такое Право. - ответила Эйвен. Об этом будет запись золотым пером в Лиловой Книге...
И вот они еще раз попрощались с принцессой и всеми эльфами и гномом Заухолом...

----

* Один юный зенитовский болельщик, которому я дала почитать свою сказку, дописанную на тот момент как раз до строк "одна у нас просьба" не долго думая приписал продолжение: "...короче: миллион евриков-наличными, 600-тый мерс, кукол барби последнего выпуска - каждому, дом с джакузи, личный самолет и поездка на Багамы!"
- Зачем пингвину поездка на Багамы? - поразилась я. - Там же тепло - он с ума сойдет!
- Он итак чокнутый. Это же особенный крутой пингвин. Он станет майором Айсбергом. А Витя - Джеймс Бондом, а Йохо - твоим знакомым писателем Гайохой - ответил нахальный читатель. И выдал совершенно новую версию развития событий, такую, что мне осталось лишь подивиться своей удаленности от современных тенденций в литературе и почувствовать себя жутко смешной и старомодной. Я не смогла перестроить свой сюжет так, чтобы он подходил под предложенный мне "экшэн", хотя кое-что из новой версии событий привлекло мое внимание: например, полет игрушек на самолете и знакомство с "самолетным", который "круче и Кузи и домвагонного в сто раз", или драку с роботом-монстром... Но битва с армией Винни-Пухов мутантов, объевшихся чернобыльского мёда, показалось мне всё же уж слишком фантастичной, эта версия похожа скорее пародию на мое произведение. Итак, я всё же не намерена сворачивать с намеченного курса...)

© Copyright Толмачёва Галина. Источник: http://zhurnal.lib.ru/t/tolmachewa_g